Челюсть Гарри отвисла, но в глазах загорелась редкая, несокрушимая решимость. Хотя Гарри и не отличался твердыми убеждениями, считая почти все лишь вопросом споров, восприятия или чьей-то точки зрения, одно он знал точно: его не накажут за эту семью, которая приняла его как родного сына. К ней он испытывал только благодарность и любовь. — Пусть! — выпалил он, — Я клянусь, на моей мантии будет выгравирован Черный Гребень, и если мои одноклассники не примут меня таким, какой я есть, я отвергну их всех!Арктур смотрел на Гарри с широко раскрытыми глазами, в которых читалась нескрываемая гордость. Однако ему не хотелось вести столь серьезный и мрачный разговор в день рождения его заветного внука. — Не думаю, что твой дорогой кузен позволит тебе остаться одному, — попытался он разрядить обстановку. — Я буду очень удивлен, если тебе удастся удержать ее на расстоянии. Даже с помощью Черного Гребня и публичных проявлений поистине мерзкой магии.Гарри скривился, словно от физической боли, но глаза его оставались спокойными. — Да, возможно. Но вряд ли я когда-нибудь буду использовать эти вещи в школе. Ты же знаешь, почему я изучал семейную магию…Арктур внутренне улыбнулся. Было правдой, что навыки, известные как Тёмные искусства, не были большим злом, чем большинство других форм магии. Заклинание отсечения не относилось к тёмной магии, но всё же считалось одной из самых опасных форм, которым детей учили в раннем возрасте. Магия крови, с другой стороны, действительно была не очень красивой, но, несмотря на свою позорность и нелегальный статус, предлагала множество благотворных магий, таких как защита, щиты, даже исцеление. Корень проблемы лежал в другом месте, как и предполагал Гарри. Истинные Тёмные искусства изучались и преподавались только в определенных семьях, и все они в Британии были Тёмными, хотя не каждая семья, страдающая от этого клейма, знала о них. Большинство других семей практически ничего о них не знали и придерживались всевозможных предрассудков. Но если наследник по каким-то причинам отказывался обучаться навыкам, которые передавались только из поколения в поколение, он неизбежно обрекал эти знания на забвение. И при всем своем пренебрежительном отношении к знаниям «ради знаний», Арктур знал, что его внук никогда не потерпит такого унижения, как обречение таких знаний на забвение. Каким бы замечательным ни был Гарри в глазах Арктура, он был настоящей загадкой. Противоречие олицетворялось.— Дедушка, у меня есть кое-что для тебя, — Гарри заговорил формальным тоном, который показался Арктуру зловещим. Он понятия не имел, что имел в виду внук. — Я хочу, чтобы ты знал, что мне очень понравились твои сегодняшние подарки, а у меня, в свою очередь, есть кое-что, чем я хотел бы с тобой поделиться.Арктур жестом попросил его продолжать, но не раньше, чем высказал свое мнение. — Гарри, тебе не нужно ничего мне дарить, уверяю тебя, в моей жизни было достаточно подарков для нас обоих. И ты мне ничего не должен, ни тогда, ни сейчас. Мы — семья, Гарри. Я искренне желаю, чтобы ты смог принять несколько искренних жетонов нашего уважения к тебе.Он сказал это довольно прямо, но политика умирает с трудом — и в любом случае он имел в виду каждое слово. Он испытывал невероятное чувство благодарности за шанс вырастить еще одного ребенка. Прямые линии Блэков почти вымерли, даже его первые внуки достались им… Он и не надеялся, что Гарри окажется настолько открытым и справедливым в своих суждениях; это было действительно больше, чем эта семья могла просить. И к их изумлению, Гарри сравнительно быстро начал глубоко вникать в их устои, и он очень сомневался, что кто-то сегодня был таким же черным, как этот его приемный внук.К своему удивлению, Гарри обнаружил, что держит в руках очень тяжелый на вид конверт, предполагающий наличие официальных документов. Нахмурившись и не совсем понимая, что придумал этот хитрый внук, он медленно взял толстый пергамент и заглянул в глаза Гарри. Там он не нашел ничего, кроме тепла, благодарности и обожания. С укором в животе Арктур медленно открыл письмо.— Я, Гарри Поттер, наследник древнего Дома Поттеров, настоящим заявляю о своем бесповоротном решении отказаться от всех претензий на наследие и имя Дома Поттеров для себя и всех своих потомков…Официальный документ, украшенный гербом Поттеров, был подписан четырьмя свидетелями, одним из которых, к полному неверию Арктура, был сам министр магии. Арктурусу потребовалось

некоторое время, чтобы осмыслить прочитанное, и он тут же перечитал все еще раз, просто чтобы убедиться. Как и в первый раз, документ показался ему совершенно железным. С чувством вины он повернулся к внуку.— Ты не должен был этого делать, Гарри. Ты понимаешь всю важность этого документа? Тебе даже не разрешается больше использовать свое имя при рождении.К его удивлению, непокорность и гордость вспыхнули в глазах Гарри, как огонь в вулкане. — Я все прекрасно понимаю, старик. Не принимай меня за ребенка, которым я когда-то был.Резкий тон удивил Арктура еще больше, но он предпочел пропустить его мимо ушей, глядя на внука с немым изумлением. — Этот документ юридически полностью интегрирует меня в семью Блэков. В результате моего отречения от престола я больше не являюсь просто твоим приемным внуком или подопечным с происхождением от Поттеров — я просто Блэк. Больше нет никакого конфликта интересов, никаких сомнений, которые кто-то может вызвать. Я не нуждаюсь во второй семье; это единственная, которая мне нужна. Я плюю на предрассудки! Я жду не дождусь, когда увижу лица всех тех в Хогвартсе, кто считает, что я стыжусь своего воспитания.Гарри, казалось, собрался с мыслями, прежде чем добавить более мягким тоном: — Ты сам сказал, что мы — семья, и я не могу с этим не согласиться. Это, — он снял с шеи новое кольцо с печаткой, — все, что я хочу, и все, что мне нужно.Арктурус не мог выглядеть более подавленным эмоциями, когда он сказал медленным голосом, который, казалось, пытался осмыслить мир, как он обычно делал: — Олливандер. Он отказался обращаться к тебе как к Поттеру в моем присутствии.Гарри кивнул и слабо улыбнулся. К тому времени все было подписано, а чернила высохли. — Мерлин знает, как он узнал об этом. Думаю, ты не понимаешь, насколько я был параноиком, что ты об этом узнаешь. В любом случае, отныне он черный.Гарри посмотрел в глаза деда и немало огорчился, увидев, что они впервые за почти девять лет наполнились слезами. Встав и подойдя к семье, он ощутил в груди тёплую волну удовлетворения. Впервые в жизни ему выпала возможность отблагодарить их за всю ту доброту, что они ему дарили.

http://tl.rulate.ru/book/109631/4094113